

Убийство с использованием огнестрельного оружия было делом относительно простым, учитывая незрелость криминалистических технологий в стране. Анализ траектории пуль, за исключением специализированных разведывательных органов, для полиции был практически невозможен, что затрудняло отслеживание происхождения оружия и выявление преступников. Тем более что контрабанда оружия была широко распространена. Цзян Чэн и Сун Чжао, изучив ситуацию, поняли: несмотря на обилие улик на месте преступления, это дело, скорее всего, останется нераскрытым.

Он прищурился, размышляя, затем снова взглянул на копию страницы, остановив взгляд на описании ранений Шэнь Вэньчана и Ли Сяохуа.

«... Пуля попала в подколенную ямку, жертва упала на землю. Вторая пуля прошла от затылка через рот, раздробив челюсть».

Цзян Чэн уже мог сделать вывод, что преступник, несомненно, использовал глушитель. Использование глушителя снижало убойную силу, а значит, убийце приходилось сокращать дистанцию, чтобы компенсировать потерю мощности.

Кроме того, чем больше выстрелов, тем выше риск быть обнаруженным и спровоцировать тревогу. Преступник, столь искусный в своих методах, не мог не понимать этого. Даже если первый выстрел был пробным, зачем было делать то же самое со второй жертвой?

Цзян Чэн почувствовал, как Гу Шэн подошёл к нему и открыл окно, чтобы проветрить комнату.

— Как ты думаешь, на что это похоже? — Цзян Чэн повернулся к нему, машинально постукивая пальцем по фотографии.

...Первый выстрел — чтобы жертва упала на колени, второй — чтобы добить.

Гу Шэн слегка наклонил голову, его взгляд на мгновение остановился на трупке, затем медленно встретился со взглядом Цзян Чэна. Уголок его рта едва заметно дрогнул, и он холодно произнёс:

— Это казнь.

14.

Смерть Шэнь Вэньчана и его любовницы вызвала бурю в Цзиньчжоу.

Никто не ожидал, что столь высокомерный и всемогущий милитарист из Гуаньнаня закончит жизнь так бесславно. Люди радовались, передавали новости друг другу и толпами стекались к месту преступления, чтобы самим увидеть это зрелище. Даже когда полиция быстро прибыла и закрыла клуб, множество зевак продолжали выглядывать из-за углов, обсуждая происшествие.

Пока полиция билась в беспомощности, эта тема стала самым горячим предметом пересудов на улицах.

Фан Кай был в ярости, спрашивая, кто, чёрт возьми, разнёс эту новость. Его подчинённые молчали. Он оттолкнул нескольких нерадивых сотрудников, вернулся в кабинет и позвонил боссу Суну.

Сун Чжао и Фан Кай были типичным примером взаимовыгодных отношений между чёрным и белым миром. Фан Кай использовал своё положение в полиции, чтобы прикрывать контрабанду

оружия семьи Сун, а Сун, в свою очередь, поддерживал его позиции.

Раньше это был старый Сун, а теперь — его молодой преемник.

Сун Чжао и Цзян Чэн выросли вместе, и он был одним из немногих, кто мог говорить с Цзян Чэном на равных. Он также хотел узнать мнение семьи Цзян, поэтому договорился о встрече с Цзян Чэном на следующее утро в восемь.

Цзян Чэн не поехал в штаб, а встретил его в поместье.

В присутствии Сун Чжао Цзян Чэн был немного более раскован. Нахмурившись, он положил телеграмму под чашку с чаем:

— Чёрт возьми, ты спрашиваешь, что я думаю, а почему бы тебе не спросить Цзян Чжия? Шэнь Вэньчан, чёрт его дери, умер в самый неподходящий момент, это просто ставит меня в безвыходное положение...

В этот момент Гу Шэн только что вернулся с тренировки голоса, подошёл к столу и налил себе воды. Услышав это, он вставил:

— Смерть Шэнь Вэньчана позволила народу выплеснуть свою ярость, а японская экспансия была остановлена. Разве это не повод для радости?

— Вздор! — Цзян Чэн шлёпнул газетой о стол. — Разве всё так просто? Ты думаешь, если Шэнь Яо объявит по радио, что он занял место, его позиции будут устойчивыми? Как только он это сделает, его младший брат Шэнь Ю, который находится в Гуаньнэне, тут же объявит, что старший брат, движимый жаждой власти, убил отца и предал семью. Чтобы избежать этого обвинения, Шэнь Яо сделает всё, чтобы свалить вину за убийство на меня!

Гу Шэн, державший чашку, вздрогнул, словно от холода.

Цзян Чэн, хмурясь, листал документы и, видя, что Гу Шэн молчит, подумал, что тот согласился с его аргументами, и продолжил:

— Затем он разыграет сценарий мести за отца. С одной стороны, чтобы заручиться верностью генералов, которые начинали с его отца, и заставить своих братьев объединиться с ним. А с другой — чтобы направить их против меня. Таким образом, конфликт перейдёт из внутреннего во внешний, и единство будет достигнуто! Чего больше всего боится Шэнь Яо? Он вступает в должность на фоне внезапной смерти Шэнь Вэньчана, и у него нет поддержки народа!

Гу Шэн сделал паузу и с иронией спросил:

— По-твоему, Шэнь Вэньчан умер зря?

Цзян Чэн хлопнул себя по бедру:

— Конечно зря! Ты ничего не понимаешь! Пока Шэнь Вэньчан был жив, простые люди, конечно, страдали, но жизнь продолжалась. После его смерти «Договор Цзингуань» перестанет действовать! Ты понимаешь, что это значит? Мы с семьёй Шэнь воевали десять лет, затем десять лет перемирия, и Цзинбэй процветал. Теперь Шэнь Яо может законно расторгнуть перемирие, и я снова начну войну с братьями Шэнь. Сколько ещё солдат погибнет на поле боя, сколько людей пострадает?

Он замолчал, почувствовав, что, возможно, перегнул палку. В конце концов, Гу Шэн был всего лишь актёром, и его представления о взлётах и падениях были скорее романтизированными, чем реальными. Поэтому он встал, положил документы и, подойдя к Гу Шэну, поправил прядь волос у его уха:

— Ладно, занимайся своим делом, а я позабочусь обо всём остальном, понятно?

Гу Шэн слегка отвернулся от его руки, его взгляд стал неуверенным, и он тихо спросил:

— А как же те, кто умер от угнетения? Они не имеют значения?

— Ты откуда это... — Цзян Чэн на мгновение замер, проглотив слова о «трёх народных принципах». — Студенты снова несут чушь? Чёрт, нельзя так смотреть на вещи. Главное — это общая картина. Я тебе объясню...

— Нет, я сам так думаю. — Гу Шэн покачал головой. — Ты хочешь объяснить мне, что ситуация на побережье стабилизировалась, что шесть милитаристов разделили страну на три части, что после смерти одного лидера его место сразу занимает наследник, и через несколько лет всё вернётся к прежнему хаосу, а война только разорит народ? Ты думаешь, это правильно? Но мне странно, почему простые люди должны верить, что терпение и покорность помогут избежать катастрофы? Люди даже не могут свободно мыслить, разве это лучше, чем смерть?

Гу Шэн почти никогда не говорил так много с Цзян Чэном, и тот на мгновение растерялся. Он чувствовал, что слова Гу Шэна были опасны, словно они стояли на краю пропасти. Этот человек, находившийся всего в полуметре от него, вдруг казался далёким. Он хотел возразить, но, подумав, понял, что Гу Шэн не был таким невежественным в политике, как он думал. Это чувство вызывало у Цзян Чэна тревогу, словно он никогда не знал Гу Шэна.

— Ты... просто хочешь устроить хаос. — Цзян Чэн с трудом улыбнулся. — Скажи, что тебе даст этот хаос? Какое тебе дело до спасения глупого и безразличного народа? Ну, ладно...

Он поднял взгляд и увидел, что Гу Шэн поставил чашку и пошёл вниз.

— Эй, куда ты?

Гу Шэн, не оборачиваясь, ответил:

— В труппу Хунсинь.

Цзян Чэн кивнул, но не удержался от допроса:

— А куда ты ушёл позавчера утром? Я послал людей в труппу Хунсинь, и они сказали, что ты ушёл рано.

Гу Шэн, раздражённо стиснув зубы, не ответил и быстро спустился вниз.

Цзян Чэн, с набухшими венами на висках, сделал два шага к лестнице. Сун Чжао, наблюдая за ним, увидел, как тот сжал кулак, и понял, что дело плохо. Он встал, чтобы последовать за ним, но Цзян Чэн, сжав кулак, вдруг остановился, разжал руку и, опершись на перила, крикнул вслед уходящему молодому человеку:

— Тогда возвращайся пораньше, будем ужинать вместе!

Сун Чжао был поражён и смотрел на Цзян Чэна, словно видел призрака. Цзян Чэн, только что

сдерживавший гнев, обернулся и, увидев его взгляд, нахмурился:

— На что уставился?

— Э-э... — Сун Чжао нерешительно усмехнулся и кивнул в сторону лестницы. — Это не похоже на тебя. Ты что, понял что-то?

— Понял чёрта! — Цзян Чэн плюхнулся на диван и, взяв чашку, которую только что поставил Гу Шэн, сделал большой глоток. — Если кто и должен что-то понять, так это он! Что не так с моим поведением? Разве я плохо к нему отношусь? Он хочет играть, я не могу его остановить. Ладно, я могу инвестировать в его труппу, чтобы поддержать его, но он отказывается! Чёрт, сколько может заработать эта труппа?..

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16144/1445707>